

Помимо той болезни, Чжоу Ли все эти годы жил гладко.

У него был хороший характер, много друзей и широкий круг интересов: автогонки, баскетбол, фортепиано, танцы... Если он чем-то занимался вместе с друзьями, то обязательно осваивал это немного. Он даже учился аранжировке цветов вместе с матерью. Суть в том, что он никогда не дрался.

Он, Чжоу Ли, с детства жил энергичной и солнечной жизнью. Он всегда считал, что поведение, когда закатываешь рукава и бросаешься в драку, весьма нецивилизованно. Поэтому, как бы низко ни падало его настроение, он оставался верным сторонником «победы без крови».

И лишь в этот самый момент он осознал, что для тех, кто неразумен, закатать рукава и избить их — на самом деле очень круто.

К сожалению, он был полным новичком.

Хотя в его памяти и остались «обучающие видео» от Цянь Лые, опыта всё равно не хватало. К тому же, когда Цянь Дошу впадал в ярость, его вообще нельзя было считать противником — он быстро оказывался на полу.

Цзи Шаоянь в данный момент пользовался собачьим носом, и даже в спальне он чувствовал лишь концентрированный запах бульона от лапши быстрого приготовления.

Он не поужинал и сразу проголодался. Как раз, когда он задумался о вероятности получить ужин сегодня, он услышал звуки ударов кулаков о тело, изредка перемежающиеся приглушёнными стонами.

Приблизительно насчитав семь или восемь ударов, он услышал, как они прекратились, а затем грубый голос Цянь Дошу: «Приберись в гостиной». Послышался звук открывающейся и закрывающейся двери ванной.

Он внимательно прислушался и заметил, что слышен только шум воды из ванной. Он не слышал никаких движений от Чжоу Ли, поэтому вернулся к дверному проёму и увидел Чжоу Ли, неподвижно лежащего на полу.

Грудь Чжоу Ли не была видна с его угла обзора, и он не знал, жив этот парень или мёртв.

Цзи Шаоянь сделал несколько шагов вперёд и ясно увидел, что этот мелкий хулиган всё ещё пылает от гнева, но было неясно, то ли он серьёзно пострадал и не может встать, то ли просто пока не хочет. Он не был заинтересован в выяснении ответа, поэтому повернул голову и вернулся в свою комнату.

Чжоу Ли не хотел вставать.

Кулак Цянь Дошу был тяжёлым, но недостаточным, чтобы одолеть его.

Боль, конечно, была. Мышечная боль сочеталась с жжением в груди, и он не мог сказать, что из них было больнее само по себе, но его внимание всё равно было не на этом.

Впервые в жизни он только сейчас понял, что значит пылать от ярости. Он постоянно работал над своим психологическим состоянием, чтобы уменьшить огонь, чувствуя, что сходить с ума из-за этого скота — слишком большое оскорбление для самого себя.

Звук льющейся воды в ванной исчез, и его ярость наконец угасла наполовину.

Он услышал щелчок. Некий зверь вышел после душа.

Цянь Дошу ранее был крайне разозлён и не стал переодеваться, войдя в спальню голым.

Но, проходя мимо гостиной, он увидел, что его сын всё ещё распластан на полу, и его сердце внезапно сжалось. Два быстрых шага — и он приблизился к лежащему, встретив спокойный взгляд сына. Неловким, но отчасти искренним тоном он сказал: «Я тебя поранил?»

Чжоу Ли отвел взгляд. На него даже смотреть было обузой.

Цянь Дошу успокоился, увидев эту реакцию, поняв, что тот просто вымещает досаду.

Он вернулся в комнату, оделся, вышел и сказал: «Лапша быстрого приготовления — это одни химикаты и консерванты. Есть слишком много — вредно. В следующий раз не готовь такое».

Его настроение снова стабилизировалось, и, давая этот совет, он направился к двери, остановился в прихожей и переобулся. Он достал сто долларов и положил на обувную тумбу, сказал без особой эмоциональной окраски: «Быстро вставай, приберись и выйди купить нормальную еду. Не заставляй меня целый день о тебе беспокоиться».

Дверь открылась и закрылась, и в гостиной снова воцарилась тишина.

Чжоу Ли медленно сел, потирая большим пальцем уголок рта. Там осталось немного крови.

Он поднялся на ноги, помыл руки, затем осмотрелся в поисках телефона, открыл WeChat и напечатал строку в групповом чате: «Кто считает меня братом — выходите, сделайте одолжение».

Одной фразой он поднял всех младших братьев: в чате тут же всплыли ответные сообщения с вопросами, что случилось.

Рот Чжоу Ли всё ещё ныл, и говорить ему не хотелось, поэтому он быстро набирал ответы и общался с ними минут десять, после чего наконец пошёл в ванную принять душ. Когда он закончил мыться, эмоции тоже улеглись, но выражение лица оставалось немного мрачным.

С этим угрюмым видом он вытащил бейсбольную биту из-под кровати, взял её в руку и направился к хаски.

Цзи Шаоянь: «.....»

Молодой мастер Цзи повернул голову и рванул прочь.

Исход было слишком легко предугадать. И отец, и сын были склонны к насилию; если один злит, конечно, он найдёт живое существо, на котором можно сорвать зло.

Чжоу Ли опешил и сделал несколько быстрых шагов, чтобы придержать его.

К счастью, конечности этого дядюшки ещё не зажили, иначе удержать его стоило бы куда больше усилий.

Цзи Шаоянь не мог сопротивляться, поэтому ограничился холодным взглядом на этого человека.

Чжоу Ли медленно обдумал свои действия и на мгновение не знал, смеяться или плакать. Он поднял щенка. «О чём ты думаешь? Я не буду тебя бить. Пойдём, поехали с братцом делать большое дело».

Цзи Шаоянь сообразил, быстро предположив другую версию, и замер без лишнего шума.

Чжоу Ли держал собаку в одной руке, а в другой нёс биту, и вышел, полный энтузиазма, полностью готовый участвовать в первой в жизни групповой драке — он хотел, чтобы группа людей окружила одного.

Рядом со старым жилым комплексом был новый, с беседкой в небольшом парке отдыха в его центре.

К тому времени, как Чжоу Ли прибыл, его уже ждали трое. Остальные жили далеко, и им требовалось ещё немного времени.

Трое разговаривали между собой и поспешно встали, увидев, как он подходит. Все с беспокойством окружили его. «Ин-гэ».

Чжоу Ли кивнул и окинул взглядом то, что у него было.

Все в их компании красили волосы вместе. Поскольку они считали, что стричься в парикмахерской не стоит — все они были парнями с короткими волосами, — они купили свою краску и покрасили головы друг другу.

На рынке было много видов краски для волос, но те, что для самостоятельного использования и с хорошим шансом на результат, вероятно, были только трёх типов: чёрная, красная и жёлтая. Остальные требовали предварительного обесцвечивания, что дома сделать было нелегко.

Поэтому восемь человек заказали два цвета: красный и жёлтый.

Четверо, стоящие сейчас в маленькой беседке, состояли из двух красных и двух жёлтых. Вместе они напоминали тарелку яичницы с помидорами.

Яйцо № 1 взглянуло на рану в уголке его рта, и сердце ёкнуло.

Они и раньше видели у своего Ин-гэ травмы, но каждый раз Ин-гэ говорил, что все раны он получил в драке с кем-то, кого уже «разобрал». Они никогда не сомневались и не ожидали, что правда окажется такой жестокой!

С явной болью в голосе он спросил: «Ин-гэ, ты в порядке?»

Чжоу Ли сказал: «В порядке».

Яйцо № 2 неуверенно спросило: «Мы... мы правда будем бить дядю?»

Чжоу Ли сказал: «Правда».

Младшие братья перестали спрашивать и не посмели продолжать тему, чтобы не испортить настроение Ин-гэ.

Внимание троих братьев переключилось на собаку. Зная, что это та самая хаски, на спасение которой они с трудом собирали деньги, они смотрели на неё с такой же добротой, как «смотрят на родного отца», и по очереди потянулись погладить её по голове.

Чжоу Ли: «.....»

Чжоу Ли взглянул на дядюшку в своих объятиях и увидел, что тот сидит совершенно неподвижно, будто ребята гладят куклу.

Он онемел, просто глядя на это спокойствие молодого мастера, подошёл к скамейкам, сел и стал ждать оставшихся четырёх парней.

Один младший брат с любопытством спросил: «Ты будешь держать её во время драки?»

Чжоу Ли сказал: «Да, если я не возьму его с собой, после того как мы разберёмся со стариком и отправим его домой, разве он не сорвётся на этом малыше?»

Младшие братья сочли его слова правильными, и последовал новый раунд поглаживаний по голове.

Они ждали двадцать минут, пока все не собрались.

Летние дни длинные, и солнце ещё не село.

Начинать драку сейчас было определённо невозможно. Он назначил всем встречу в это время в основном потому, что некоторые из них жили в деревнях и не смогли бы приехать ночью, а также потому, что Чжоу Ли не знал, в каком ларьке пьёт Цянь Дошу, поэтому нужно было сначала проверить, а потом действовать.

Он выкопал из своей памяти несколько мест, где Цянь Дошу часто бывал, и распределил их между младшими братьями.

Братья разошлись и побродили по округе, быстро определив конкретное место. Ориентируясь на него, Чжоу Ли повёл их искать место для отдыха, где-то на единственной дороге, по которой Цянь Дошу мог идти домой. Затем они уселись в круг и играли в карты.

Некоторые ещё не успели поужинать. Услышав, что Ин-гэ потом угощает шашлыком, они купили немного закусок и фруктов, чтобы пока забить желудок.

Чжоу Ли взглянул на ассортимент жареных закусок и в итоге скормил дядюшке лишь несколько кусочков яблока и арбуза, наблюдая, как другие играют в карты, а сам играл с собакой. Было почти девять часов, когда они наконец увидели, как Цянь Дошу появляется в поле их зрения.

Он тут же передал хаски и бейсбольную битку младшему брату, велел остальным занять заранее намеченные позиции и ждать, а затем прямо направился к Цянь Дошу, окликнув его по имени.

Реакция Цянь Дошу была немного замедленной, и он узнал его, только когда тот оказался совсем близко. Заплетающимся языком он сказал: «Ты... Почему ты здесь?»

Чжоу Ли улыбнулся, прищурив глаза. «Я здесь, чтобы забрать тебя».

Цянь Дошу ухмыльнулся и перекинул руку через его плечо. «Хорошо, слушаться умеешь».

Он похлопал сына по плечу. «Вообще-то я не очень... очень хочу тебя бить, просто ты постоянно меня злишь...»

Чжоу Ли слушал его вполне благосклонно, уводя всё дальше и дальше.

Цянь Дошу ничего не замечал. Только когда он понял, что окружающий свет становится всё темнее и темнее, он заметил неладное и остановил его. «Что-то... что-то не так. Ты, дурацкий сопляк, даже... даже дорогу домой не узнаёшь!»

Чжоу Ли сказал: «Узнаю».

Он толкнул мужчину вперёд и отдал единственную команду: «Бейте».

Младшие братья, уже присевшие в засаде, с шумом выскочили и прижали человека к земле, обрушив на него град ударов.

Но это всё же был старший, поэтому они не посмели бить слишком сильно.

Чжоу Ли посмотрел со стороны и жестом велел им остановиться, затем подошёл с бейсбольной битой и нанёс Цянь Дошу семь ударов. Он использовал лишь немного силы, но как ни крути, это всё же была бейсбольная бита. Ударить кого-то ею — ощутимо больно.

Цянь Дошу к этому времени почти протрезвел, и его разрывало от ярости. «Ты посмел ударить меня?!»

Чжоу Ли сказал: «А я что, не должен был?»

Рёв Цянь Дошу звучал немного надорванно. «Я твой лаоцзы!»

Чжоу Ли ответил: «О, тогда считай меня непочтительным».

Он постучал бейсбольной битой по груди Цянь Дошу и оставил её там. «Запомни: с сегодняшнего дня, если ты ударишь меня один раз, я верну вдвое, то есть два удара. Нет, верну вдесятеро. Ударишь три раза — и я сломаю тебе ногу. Сегодня ты нанёс мне четыре удара кулаком и три пинка. По моим стандартам я должен отдать тебе четырнадцать ударов голыми руками, но сейчас у меня всё болит, и мне лень двигать руками, поэтому я просто побью тебя этим семь раз. В следующий раз будет вдесятеро. Попробуй, пожалуйста».

Цянь Дошу гневно закричал: «Посмей!»

Чжоу Ли ободрил: «Тогда может, попробуешь ударить меня прямо сейчас?»

Лицо Цянь Дошу мгновенно посерело, но он не проронил ни слова.

Чжоу Ли усмехнулся и наклонился, чтобы достать кошелек из его кармана.

Цянь Дошу сказал: «Что ты делаешь?»

Чжоу Ли ответил: «Беру компенсацию за моральный ущерб».

Он взглянул на выражение лица Цянь Дошу. «Если ты считаешь, что я не заслуживаю компенсации после того, как ты избивал меня последние два дня, тогда можешь считать эти деньги едой, которая будет кормить меня и моего хаски, чтобы мы с этих пор не голодали. Это просто аванс на содержание. Но если ты считаешь, что аванс — это слишком бунтарский поступок, можешь считать, что я беру у тебя в долг, и в будущем я верну тебе вдвое».

Цянь Дошу, как сотрудник среднего звена в интернет-компании, всегда недолюбливал мобильные платежи и предпочитал носить наличные. Чжоу Ли пересчитал и нашёл больше 800 юаней, поэтому взял всё без колебаний и небрежно кинул кошелек обратно владельцу.

После избиения своего лаоцзы (лишь номинального) Чжоу Ли был счастлив и телом, и душой.

Он передал бейсбольную битку младшему брату, забрал обратно хаски, чтобы обнять, и повёл свою яичницу с помидорами на шашлык.

Прежде чем подали шампуры, сначала принесли пиво.

Чжоу Ли воспользовался тем, что младшие братья отвлеклись, открывая бутылки, и заказал мягкую, слегка солоноватую слоёную лепёшку, разорвал её на кусочки, положил в одноразовую тарелку и протянул определённой дядюшке. Затем он взял бутылку пива перед собой и чокнулся с остальными, запрокинув голову и сделав большой глоток.

Холодное пиво попало в желудок, и он никогда ещё не чувствовал себя таким беззаботным.

Он подумал о том, что произошло сегодня вечером, и на мгновение его охватило чувство, среднее между смехом и слезами.

Он был не оригиналом и не испытывал тех сложных чувств к Цянь Дошу.

Цянь Дошу был для него просто незнакомцем. Этот незнакомец избил его, и чтобы в будущем можно было нормально сосуществовать, он вернулся со своими людьми и ответил тем же.

И не только это.

Он ещё впервые вылил на кого-то лапшу быстрого приготовления, впервые подстроил нападение, впервые участвовал в групповой драке и впервые ел шашлык на обочине дороги, распивая пиво из бутылок с компанией хулиганов, с которыми, как он думал, его жизнь никогда бы не пересеклась.

Он не мог не рассмеяться.

Этот звук был слишком тихим, и услышать его мог только Цзи Шаоянь рядом с ним.

Владелец ларька не разрешал собаке сидеть на столе, но Чжоу Ли беспокоился, что если посадит его на землю, малыша могут украсть, если он не будет внимательно следить, поэтому он поставил два пластиковых табурета рядом и усадил молодого мастера сверху, рядом с собой, чтобы тот ел.

Цзи Шаоянь изначально хотел насладиться поздним ужином, но поднял голову, услышав этот звук.

С этого угла был виден только профиль Чжоу Ли, его глаза были слегка прищурены под светом лампы, в них отражались осколки света, и не было ни малейшего намёка на тень.

Боль, приносимая семейной любовью, часто бывает тяжёлой.

Его избил родной отец, и он пролежал парализованный большую часть дня, а затем вышел и привёл людей, чтобы избить родного отца в ответ. Никто не мог остаться равнодушным в такой момент, но за всю эту операцию он хмурился лишь некоторое время, а затем быстро вернулся в норму и даже оставался полным энергии. Было ли это потому, что вторая личность не была связана семейными узами?

Немного странно, но и немного волшебно.

Цзи Шаоянь медленно проглотил еду во рту и наконец согласился взглянуть на этого мелкого хулигана всерьёз. Он наконец осознал одну вещь, ясную как день — характер этого глупого дурака действительно отличался от прежнего негодяя.

У автора есть что сказать:

Чжоу Ли: Сам ты глупый дурак!

Для вас старалась команда Webnovels.

У нас действуют такие правила: Нашли ошибку? Получите главу. Написали рецензию? Получите 50 глав (Только напишите нам с мессенджеры или на почту для получения)

<http://bllate.org/book/15791/1435360>